

В.А. Ипполитов

Тамбовский государственный технический университет

ПИСЬМА В ГАЗЕТЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯН ПОКОЛЕНИЯ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА» В 1924–1928 ГГ.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00132
«Поколение “революционного перелома” в судьбе российской деревни первой трети XX века»*

Источниками исследования общественных настроений российского крестьянства в середине 1920-х гг. стали письма в редакции центральных и местных газет. Особый акцент делается на изучение мировосприятия крестьян поколения «революционного перелома». Автор рассматривает вопросы отношения сельского социума к власти, социализму, рабочим, кооперации, налогам. Проанализированы восприятие активной части деревни политики большевиков в деревне, отношение крестьян к центральной и местной власти. Показаны особенности межпоколенческого конфликта в нэповской деревне. Сделан вывод о мозаичном характере общественных настроений крестьянства в годы нэпа.

Крестьянство, «письма во власть», поколения, революционный перелом, комсомол, кооперация, социализм, сельскохозяйственный налог, «ножницы цен», кулаки.

Изучение аграрной истории первой трети XX века является одним из самых популярных направлений современной историографии. В статье А.В. Вязинкина рассматривается феномен «поколения революционного перелома», которое принимало активное участие в важнейших событиях начала XX века [3]. А.А. Слезин рассмотрел роль молодежи в развитии сельского социума в первые десятилетия советской власти [37]. Особое значение для изучения социальной истории «поколения революционного перелома», имеет обращение к источникам личного происхождения. Наибольшей информативностью из них обладают письма, ввиду их сохранности и разнообразия. В 1925 г. только одна «Крестьянская газета» получала в среднем 1000 писем в день [35].

Корреспонденция советского периода не является малоизученной темой в отечественной историографии. Начиная с перестроечного времени стало возможным ее объективное исследование. Значительный вклад в изучение и публикацию «писем во власть» внесли А.Я. Лившин и И.Б. Орлов [12; 16; 17], В.В. Кабанов [8], А.К. Соколов [5; 14], С.С. Крюкова [11], И.Е. Кознова [10]. Проблему перлюстрации писем как элемента политического контроля рассмотрел В.С. Измозик [6]. Но неисследованной остается градация писем в зависимости от возраста автора. Таким образом, анализ общественных настроений крестьянства поколения «революционного перелома» остается актуальной темой.

По определению А.Я. Лившина и И.Б. Орлова: «Письмо – это отражение пестрой мозаики повседневности наряду с базисными структурами этнопсихологии и культуры» [12, с. 11]. «Письма во власть» как особая форма общения власти и общества зароди-

лась в 1920-е годы. Традиционная для России патерналистская система была невозможна без обратной связи между обществом и властью. Прямое обращение к центральной власти граждане осуществляли в первую очередь через редакции газет. Письма крестьян, являясь специфическим нарративом, содержат сложные, многослойные данные. Как правило, их авторы придерживались негласных «правил игры» [12, с. 15]. Они включали в себя «верноподданнический» стиль, типичные ролевые модели (простой труженик, бедный крестьянин и др.), демонстрацию лояльности власти и т.д. Дискурс общества и власти предполагал осуждение «грехов» местных начальников, не касаясь вопроса политического режима. Таким образом, письма являются незаменимым источником для изучения общественных настроений населения.

Общественным настроением обычно называют социально-психологический феномен, выражающийся в конкретном состоянии чувств и умов, характерных для определенной социальной группы, всего общества в данный период времени [38]. Сложность в изучении крестьянского мировосприятия определяется его эклектичностью и ситуативностью. Для «нэповского» крестьянства было характерно сочетание различных пластов общественного сознания – традиционалистского и условно социалистического. Кроме того, частые колебания общественно-политической жизни 1920-х годов сформировали атмосферу неустойчивости в сельском социуме.

Хронологические рамки статьи составляют 1924–1928 гг. Начальная дата связана с провозглашением XIII съездом РКП(б) курса «лицом к деревне». Эта политика включала в себя укрепление союза рабочих

и крестьян путем «демократизации» советов, восстановление правопорядка, активизацию работы деревенских ячеек РКП(б) и снижение налогового гнета. Верхняя граница обусловлена возвращением партии к методам «военного коммунизма» в решении хлебозаготовительного кризиса. В конце 1920-х гг. был пересмотрен основополагающий принцип нэпа, заключающийся в праве крестьянина распоряжаться выращенным урожаем.

Основным источником исследования являются письма крестьян в различные газеты, хранящиеся в фонде 17 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Рассматривались также письма, опубликованные в документальных сборниках [5; 11; 18]. Для удобства работы данные заносились в таблицу Microsoft Excel. Были выделены следующие категории при анализе содержания писем: год написания, социальное положение автора, партийность, отношение к власти, сельскохозяйственному налогу, кооперации, беднякам, «кулакам», коллективным хозяйствам. Всего в таблицу внесено более 100 писем, что позволяет сделать определенные выводы, так как выбраны наиболее информативные документы. Вместе с тем актуальна перспектива дальнейшего заполнения таблицы.

Первые годы нэпа в деревне характеризовались голодом, экономическим упадком и социальной апатией. Большинство крестьян, занятых выживанием и подъемом своего хозяйства, не имело мотивации для выражения своих общественно-политических настроений. Примерно к середине 1920-х годов положение в стране приобретает некоторую стабильность.

Революция и гражданская война дала мощный толчок политическому самосознанию крестьян. Большинство жителей села было убеждено, что «без участия крестьянства революция бы проиграла» [36]. По их мнению, заслуги самого многочисленного социального слоя на фронте должны учитываться «народным» правительством. Одним из мотивов написания «писем во власть» была надежда добиться справедливости в отношении деревни.

В 1920-е годы большевики еще не достигли существенных успехов в коммунистической индоктринации деревни. Подавляющее большинство крестьян сохраняло традиционное мировоззрение. Писатель П.И. Замойский (1896–1958 гг.), сам принадлежавший к поколению «революционного перелома», определял особенность крестьянского самосознания следующим образом: «с молоком всосанная косность, ограниченность, неподвижность, боязнь всего нового, опаска, оглядка» [4, с. 146]. Эти психосоциальные особенности жителей деревни ярко проявились в их эпистолярном наследии.

Народное представление о социализме было неоднозначным – в нем сочетались элементы традиционализма с партийной пропагандой. Судя по письмам, крестьяне понимали коммунизм как «открытие нового земного царства» [11, с. 102]. В общем неперменным атрибутом справедливого общества крестьяне понимали равенство, но основанное на трудовом индивидуальном хозяйстве. Социализм должен был удовлетворить в первую очередь незамысловатые потребности крестьян в обильной пище и качественной одежде.

В.П. Булдаков отмечал, что представления о социализме складывались в умах крестьян на «основе традиционных утопий, порой подкрашенных наивным технократизмом» [1, с. 266]. На начальном этапе нэпа крестьянство в основном проявляло веру в возможность построения нового общества. Но к концу 1920-х гг. эти надежды разрушились грабительскими хлебозаготовками и насильственной коллективизацией. Можно согласиться с В.О. Великановой, которая считает, что «десять лет после революции – предел, за которым потенциал надежд и иллюзий в народном сознании исчерпывается» [2, с. 217].

Анализируя отношение нэповского крестьянства к политическому руководству, нельзя не заметить дихотомию в оценке верховной и местной власти («хороший царь и плохие бояре»). В 1924–1925 гг., по данным перлюстрации, в 64,7% писем отношение к советскому правительству было положительным, но в то же время отрицательно оценивалась работа местных властей в 96,3% документов [7, с. 34]. Интересное наблюдение приводит И.Е. Любимов в записке для И.В. Сталина, составленной в 1925 году на основе деревенских писем. По мнению автора, «крестьяне знают и цитируют речи Калинина, Рыкова, Сталина из их последних выступлений... Деревня чего-то ищет, но еще не нашла. Деревня самоопределяется, но окончательно еще не самоопределилась. Деревня советская, но еще не может разделить полностью, что есть в мероприятиях советской власти» [33]. Таким образом, нэп являлся своеобразным водоразделом в развитии общественно-политических настроений крестьянства. Традиционное прошлое сосуществовало с модернистским социалистическим настоящим.

«Письма во власть», как правило, начинались со славословий в адрес партийных вождей. В то же время в анонимных посланиях подобного не наблюдалось. Крестьяне с осторожностью относились к созданию писем, опасаясь возможных санкций за нелояльность, поэтому восхваление коммунистических лидеров следует воспринимать с определенной долей скептицизма. На начальном этапе нэпа наблюдается в целом доверительное отношение к РКП(б). Так, крестьянин Брянской губернии Куприн в письме в газету «Батрак» отмечал: «Хотя в трудных условиях живем, но знаем, что наша коммунистическая партия, как святилище нашего темного пути, дает свет» [16, с. 393]. Симптоматично, что к политическим лидерам относились не без традиционного прагматизма. В частности, недовольство вызывали слишком большие траты на увековечивание памяти о В.И. Ленине. В 1925 г. крестьянин Виноградов из Витебской губернии возмущался отсутствием денег на школу, «а на какой-нибудь шалаш, где тов. Ленин спал, отпускается три тысячи рублей» [11, с. 70]. По мнению земледельца, такие меры вовсе не способствовали прославлению основателя государства.

Крестьянские настроения зачастую были спонтанными реакциями на локальные события или происшествия. Житель Стодолиценской волости (Смоленская губерния) Н.Е. Никопоренко писал в газету «Батрак»: «Крестьяне стонут и проклинают Советскую власть. Они ненавидят ее от всей души, потому что она в лице своих низовых представителей сознательно душит и гонит нашего брата, мужика, усили-

вая свои издевательства раздающимися сверху хорошими красными словами о поднятии культурности крестьянского хозяйства» [27]. Из письма видно, что столь эмоциональная критика власти была вызвана нерасторопностью местной милиции в поисках украденной лошади. Гиперболизация жизненных неурядиц была характерна для посланий из деревни. Характерно, что свое личное недовольство адресанты распространяли на все сельское население.

К концу 1920-х годов сочувственное отношение крестьян к власти сменяется враждебным. Исключение составляет сельская беднота, уже привыкшая к тому времени существовать за счет государственной помощи. Примечательно, что недовольство стали проявлять члены комсомола, которые были ближе к правящей элите, чем рядовые сельчане. Комсомолец В. Петров из деревни Воловино Новгородского округа в письме в «Крестьянскую Правду» отмечал, что власть делает все, чтобы «мужик из лаптей не выходил. Он хотел обуться в сапоги, вы говорите, ходи в лаптях и купи хряпу [капусту], а то захотели кушать мясо. Николай Кровавый брал одну шкуру, а Советская власть две» [21]. Молодого человека также возмущало чрезмерное налоговое давление на среднее и зажиточное крестьянство. Аналогично по настроению письмо крестьянина Новгородского округа, который сетует на то, что «советскому правительству как будто приятнее иметь в управляемом им государстве сплошную сельскую бедноту, чем зажиточного крестьянина» [19]. Крестьяне не без основания полагали, что, повышая налогообложение, власть подталкивает их к вступлению в коллективные хозяйства.

Административные методы давления на сельский социум вызывали сдержанное недовольство крестьян, что нашло отражение в множестве жалоб М.И. Калинину, И.В. Сталину и др. Типичный случай произошел в деревне Гойки Новгородского округа, когда собрание не приняло нужной местной власти уровень самообложения, на другой день прибыли председатель РИКа, народный судья, начальник милиции, представитель ячейки ВКП(б). Среди крестьян тут же прошел слух, что «приехали взять на испуг». Действительно, последовали угрозы закрыть школу и аресты граждан, которые «много говорили и задавали вопросы» [22]. В Лужском округе врач не принимала даже тяжелых больных, если они не брали облигаций государственного займа [23]. Для выступавших против чего-либо крестьян всегда был готов аргумент: «Значит тебе советская власть не нужна» [24]. Подобный произвол еще вызывал недоумение крестьян, а с 1929–1930 года эти методы станут практиковаться повсеместно.

В большинстве крестьянских писем заметен прагматичный подход к местной власти. К примеру, В. Дмитриев из Саратовской губернии писал, что мужики говорят: «Дайте нам таких коммунистов, которые бы умели вести нас к новому социалистическому обществу. Таких коммунистов, которые не могут трем курам замесить – нам не надо» [32]. Но в действительности, по мнению сельчан, «некоторые партийные держат себя очень гордо, по отношению к беспартийным, подобно старым офицерам» [31]. Ставропольский крестьянин жаловался в 1925 году, что «секретари комячейки вообще люди молодые, совер-

шенные ребятишки, не жили мужиками и совершенно не знают нашу крестьянскую психологию. ...Портфель подмышку – и барин, а там хоть травушка не расти» [16, с. 413]. Конфликт местной администрации и сельского социума усугубляло положение, когда «деревенские коммунисты и комсомольцы (или вообще молодежь) не разделяли крестьянских ценностей» [15, с. 527].

Отношение крестьян к сельскохозяйственному налогу по письмам 1924–1928 гг.

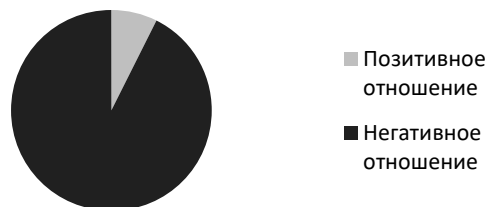

Диаграмма 1

Проблема налогов являлась ключевой в отношениях сельского социума и любой власти. Жалобы на непомерные платежи были характерны на протяжении всего изучаемого периода. Лишь в 7% посланий фиксируется позитивное отношение к единому сельскохозяйственному налогу (см. диаграмму 1). В 1924–1925 гг. основным мотивом писем было отсутствие, вследствие высоких выплат, перспектив расширения хозяйства. Л. Коробов из Переяславского уезда Владимирской губернии отмечал: «Долго ли будет длиться непосильность сельскохозяйственных налогов. Ведь невыносимо, что семья за лето наработает то Советская власть за зиму у ней заберет и остаются люди на произвол судьбы раздеты, разуты и скудно питаюсь. ...власть эксплуатирует крестьян, так было только при буржуазном классе» [28]. В оценках жителей деревни, – «единый сельскохозяйственный налог – это хомут: жмет, давит» [30]. Угнетали крестьян также самообложение, налоги на скот и сельскохозяйственную технику. Из-за опасения попасть на глаза члену партии земледельцы, покупая новые машины, вынуждены были перевозить их ночью. Анализ писем позволяет сделать вывод, что крестьяне отрицательно относились к стремлению правительства восстановить экономику за счет деревни.

К 1928 г. резко возрастает поток жалоб на несправедливое налогообложение. Зажиточные крестьяне, следующим образом описывали свое поведение в новых условиях, – «постараться сравняться с беднотой, образуя единое “мощное” общество, доводя свое хозяйство до единой лошаденки, коровенки, петуха, да курицы, запахивая такой “клин”, который дал бы возможность, хотя впроголодь прокормить свою семью и ни одного фунта на рынок» [19]. Анонимный автор в письме в «Крестьянскую Правду» сетовал на то, что «теперь всех единоличников, хотяг загнать в комму-ну. Обманывайте лентяев, сгоняйте их и давайте им побольше. Кто кого обманет. Немного с них возьмешь, а мы трудовки для себя как-нибудь посеем голодом сидеть тоже не будем» [20]. Таким образом, тяжелый налоговый гнет, обрушившийся на крестьянство в конце 1920-х годов, вынуждает их сворачивать

производство. Льготами для крестьянской бедноты, по мнению В.А. Надеждиной, «государство поддерживало и укрепляло в русской крестьянской среде патерналистские установки противоречившие целям и ценностям модернизации» [13, с. 201]. Дальнейшая перспектива натурализации хозяйства привела большевиков к форсированному проведению насильственной коллективизации и раскулачивания.

Целый пласт крестьянских писем посвящен неравенству положения крестьян и рабочих. Представление о том, что горожане живут лучше сельчан, сохранялось на протяжении всего нэпа. В 1925 г. М.И. Зуперман житель Майкопского округа, задавал вопрос редакции «Крестьянской газеты»: «Разве допустимо, чтобы рабочие пользовались привилегиями за счет каторжного труда хлебороба?» [26]. Крестьян возмущали привилегии пролетариата в зарплате, налогообложении, образовании, жилищных условиях, 8-часовой рабочий день. Благополучие горожанина, по мнению сельчан, резко контрастировало с бедностью нэповской деревни. Сельчане писали, что крестьяне «фрочутся темными кротами целые 17 часов в сутки», после чего «лицо в 30-35 лет принимает цвет земли» [29]. Смоленский земледелец В. Борисов 1898 года рождения писал в «Крестьянскую Газету»: «Возьмите условия жизни крестьянина пища его хлеб да вода советская еда о чае мы забыли ребенок у нас питается теми-же суррогатами» [18, с. 39].

Немаловажной чертой общественных настроений крестьянства поколения «революционного перелома» была ностальгия по дореволюционной эпохе. Сравнение с уровнем жизни при царе, в основном, завершалось не в пользу советской власти. Симптоматично, что сельчане регулярно жаловались на «ножницы цен» и проводили в качестве примера стоимость дореволюционных товаров. В 1925 г. В. Нестеров из Московской губернии писал, скоро «цены на хлеб падут до 75 копеек за пуд, то есть снизятся до довоенных цен, а цены на продукты городского производства будут в 2–3 раза выше довоенных. Сахар [стоил] раньше 13 копеек фунт – теперь 35–37 копеек. Сапоги 5-6 рублей теперь 15-18» [26]. Аналогичные жалобы встречаются в подавляющем большинстве писем посвященных вопросу цен. Как видим, неэквивалентный обмен между деревней и городом с целью «социалистического накопления» был одним из раздражающих факторов для крестьянства.

Отношение крестьян к кооперации по письмам 1924–1929 гг.

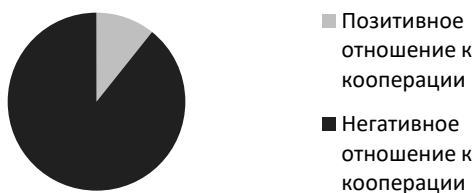

Диаграмма 2

Советская кооперация в основном не отвечала запросам населения в деревне. По данным диаграммы 2, лишь 11% крестьян позитивно оценивали ее работу. Недовольство вызывали цены, качество и распределение

товаров. Кроме того, в письмах, жители деревни красочно описывают разложившихся работников кооперации. Крестьянин Н.С. Пастухов из хутора Иванищево (Ярославский уезд) писал М.И. Калинину: «Хорошо известно, что в старой дореволюционной кооперации таких растрат, хищений и подлогов не было, и кооперация имела доверие от населения, и была им удовлетворена, и могла конкурировать против частной торговли, а современная кооперация пасует во всем» [16, с. 491]. Общим желанием земледельцев были свободные выборы правлений кооперативов, которые должны отчитываться перед пайщиками. Но правительство на это пойти не могло, так как власти был нужен лишь аппарат «пусть неуклюжий и громоздкий, но зато послушный» [9, с. 187].

Межпоколенческий конфликт 1920-х годов проявлялся в письмах крестьян, жаловавшихся на радикально настроенную молодежь. Нередко воспитанная при новой власти молодежь вызывала настоящую ненависть «стариков». Сельчане роптали, что коммунисты «разрушают семью, религию, разрушают и собственность, натравливают молодежь на стариков и попов. Свои ряды коммунисты стараются укрепить неопытной крестьянской молодежью, освобожденной от опеки родителей и ставшей опричниной и крестьянским пролетариатом [31]. Характерно, что в обобщенных требованиях крестьян по письмам «Крестьянскую газету» в 1925 году, для В.М. Молотова значился тезис: «Надо сделать так, чтобы молодежь (комсомольцы, допризывники), хоть немного считались с авторитетом старших и не «крыла их матом» по всякому поводу, а особенно – не осмеивала верующих [34]. Бесспорно, что бытовой, семейный фактор имел важное значение в социалистической перестройке сельского хозяйства. Власть, по сути, провоцировала поколенческий разрыв в деревне. Времена нэпа являлись переломным моментом истории, когда происходила ломка общественного сознания.

Отношение крестьян к кулакам по письмам в 1924–1928 гг.

Диаграмма 3

Отношение крестьян к беднякам по письмам в 1924–1928 гг.

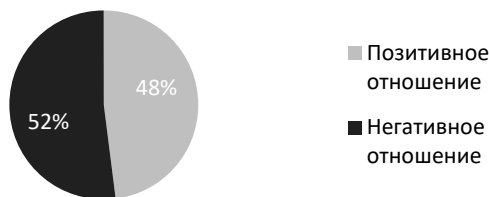

Диаграмма 4

Неоднозначным было отношение крестьянства к попыткам большевиков расколоть сельский социум. Четкое разделение деревни на три слоя в основном не находило поддержки у населения. Кроме того, отсутствие общепринятых критериев определения «класса» вызывало недоумение крестьян. Для середняков в большей степени было характерно стремление сохранить традиционные общинные ценности. Типично письмо А. Химановича из Богучарского уезда Воронежской губернии в «Крестьянскую газету»: «Средняк это не что иное, как усиленно трудящийся человек. Идя навстречу социализму, давайте бросим разделение крестьянства, оно ведет к разорению государства» [25]. В то же время классовая неприязнь, вызванная большевистской политикой, была характерна в равной мере для бедняков и кулаков.

В целом деревня с большим сочувствием относилась к беднякам, чем к кулакам или зажиточным (см. диаграммы 3, 4). В крестьянской среде бедняки делились на «лодырей» и тружеников, причем к первым было исключительно негативное отношение. Критериями кулацкого хозяйства считались использование наемного труда, ростовщичество и торговля. В большинстве случаев авторы писем трудились в уравнительно-передельной общине и с осторожностью наблюдали за первыми коллективными хозяйствами.

Власть в представлениях крестьян 1920-х годов должна была быть справедливой, учитывать их интересы. Также для большинства писем характерна фетишизация вождей. Типичным для крестьянского мировоззрения являлось принятие советской власти, но недовольство ее практическими мероприятиями. Нарастал разрыв между благоприятными для крестьян «словами» власти и ее «делами». В принципе большинство крестьян были готовы соблюдать законы, но их возмущали «перегибы» на местах. Негативную реакцию вызвало стремление власти расколоть деревню по имущественному и поколенческому принципу. Все это определило мозаичный характер общественных настроений поколения «революционного перелома».

Эклектичность крестьянских настроений проявлялась в парадоксальном сочетании утопической веры в социализм с тоской по более зажиточным дореволюционным временам. Даже в наиболее благополучные годы нэпа сохранялся антагонизм земледельцев в отношении города и «господствующего» рабочего класса. В этой ситуации осязаемый рост общественного самосознания сельского социума представлял опасность для власти. Поэтому подавлялись любые попытки сельского сопротивления, начиная от общинной солидарности, заканчивая идеей Крестьянского союза.

В главном вопросе о налогах крестьяне демонстрировали понимание его необходимости. Возражение вызывали его размеры, практики сбора и сроки уплаты. Стихийно осознавая рыночные механизмы, сельчане выражали недовольство тем, что массовая продажа зерна осенью понижает его цену. По мере усиления налогового гнета крестьяне отвечали пассивным сопротивлением в виде натурализации хозяйства. Автор солидарен с мнением В.П. Булдакова, что «разоренное хозяйство отцов, психология “агрессивной безответственности” сыновей и неуверен-

ная аграрная политика большевиков объективно подвели их же к идее тотальной коллективизации» [1, с. 299]. Хотя в основной массе крестьяне оставались верны общинной системе землепользования, тем не менее, с 1928 г. нэповская модель развития сменяется сталинской командно-репрессивной системой.

Литература и источники

1. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Булдаков. – Москва : РОССПЭН, 2012. – 756 с.
2. Великанова, О. В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. / В. О. Великанова. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 295 с.
3. Вязинкин, А. Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46 // Вопросы истории. – 2022. – № 7–2. – С. 153–165.
4. Замойский, П. И. Лапти / П. И. Замойский. – Москва : Советская Россия, 1989. – 720 с.
5. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / ответственный редактор А. К. Соколов. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 328 с.
6. Измозик, В. С. Глаза и уши режима : Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. / В. С. Измозик. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1995. – 164 с.
7. Измозик, В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти / В. С. Измозик // Вопросы истории. – 1995. – № 8. – С. 26–36.
8. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций / В. В. Кабанов. – Москва : РГГУ, 1997. – 385 с.
9. Кабанов, В. В. Кооперация, революция, социализм / В. В. Кабанов. – Москва : Наука, 1996. – 206 с.
10. Кознова, И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства / И. Е. Кознова. – Москва : ИФ РАН, 2000. – 208 с.
11. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / составитель С. С. Крюкова. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 232 с.
12. Лившин, А. Я. Власть и общество: Диалог в письмах / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 208 с.
13. Надеждина, В. А. «... все к социализму иду и никак не могу дойти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа / В. А. Надеждина. – Уфа : РИО БашГУ, 2005 – 266 с.
14. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / ответственный редактор А. К. Соколов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 352 с.
15. Окуда, Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты в процессе раскрестьянивания / Х. Окуда. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения – Москва : РОССПЭН, 2008. – С. 495–528.
16. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям документах / составитель А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 664 с.
17. Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / составитель А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 528 с.
18. Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты» : Материалы по социальной истории про-

- винции середины 1920-х годов / составитель М. В. Каиль, О. В. Кобец. – Смоленск : Издательство СмолГУ, 2011. – 56 с.
19. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 5.
 20. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 6.
 21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 7.
 22. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 19.
 23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 24.
 24. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 27.
 25. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 16.
 26. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 17.
 27. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 36.
 28. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 87.
 29. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 91.
 30. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 137.
 31. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 119.
 32. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023. Л. 6.
 33. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023. Л. 65.
 34. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023. Л. 86.
 35. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023. Л. 88.
 36. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1024. Л. 11.
 37. Слезин, А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32 // Вопросы истории. – 2022. – № 8–2. – С. 106–128.
 38. Социологический справочник / составитель В. И. Волочив [и др.]. – Киев : Политиздат Украины, 1990. – URL: <http://sociology.niv.ru/doc/dictionary/sociological/articles/93/obshchestvennoe-nastroenie.htm> (дата обращения: 31.08.2022). – Текст : электронный.

V.A. Ippolitov

**LETTERS TO NEWSPAPERS AS INDICATORS OF PUBLIC SENTIMENTS
OF PEASANTS FROM THE «REVOLUTIONARY TURNING POINT» GENERATION IN 1924–1928**

*The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>*

Letters to the editors of central and local newspapers became the sources for studying public sentiments of the Russian peasantry in the mid-1920s. Particular emphasis is placed on studying the worldview of peasants from the «revolutionary turning point» generation. The author examines the attitudes of rural society towards power, socialism, workers, cooperation, and taxes. The perception of the Bolsheviks' policy by the active part of the village, as well as the attitude of peasants towards the central and local authorities are analyzed. The features of the intergenerational conflict in the NEP village are shown. The conclusion about the mosaic nature of the peasantry public sentiments during the NEP years is made.

Peasantry, «letters to the authorities», generations, revolutionary turning point, Komsomol, cooperation, socialism, agricultural tax, «price scissors», kulaks.